

Русская революция в искусстве

Очерк

Я. Тепин

В музее Революции СССР открыта сейчас выставка «Русская революция в произведениях изобразительного искусства». Мы впервые видим здесь, собранные в строгом историческом порядке и в большом количестве, картины, рисунки и скульптуру, отразившие собой русское революционное искусство от Степана Разина до наших дней. Как попытка проследить влияние революционных идей и движений на художественное творчество, выставка чрезвычайно интересна для установления связи между искусством и революцией; в то же время она является и художественной иллюстрацией к истории революции.

В первом зале представлены картины, рисунки и гравюры, в которых отобразились яркие моменты разиновщины и пугачевщины. Лучшие вещи здесь: эскиз Сурикова к его большой картине «Стенька Разин», гравюра (Лепренса?) «Взятие Астрахани Разиным» и «Суд Пугачева» Перова. В этом же зале мы видим, как революционное движение, начатое крестьянством и подавленное крутыми мерами правительства, перекинулось в столицу, — в интеллигентские и военные круги и выразилось в декабрьском восстании 1825 года.

Декабристы представлены здесь рядом портретов, картин и зарисовок того времени. Чрезвычайно трогательны сохранившиеся, когда-то тайные, оригиналы портретов декабристов и виды сибирских рудников и тюрем, рисованных декабристом Бестужевым. Подавление декабрьского восстания дало широкий простор реакционной деятельности Николая I, которая хорошо показана во II зале рисунком поэта Т. Шевченко — «Наказанный солдат» — с палкою, забитою ему в рот, рисунком А. Орловского — «Польские повстанцы» и др.

Довольно сильно представлено на выставке и так называемое «освобождение крестьян», так мало изменившее их материальное положение. Выразительные картины Орлова — «Порка» и «Сбор податей», Савицкого — «Спор на меже», С. Иванова — «Переселенцы»

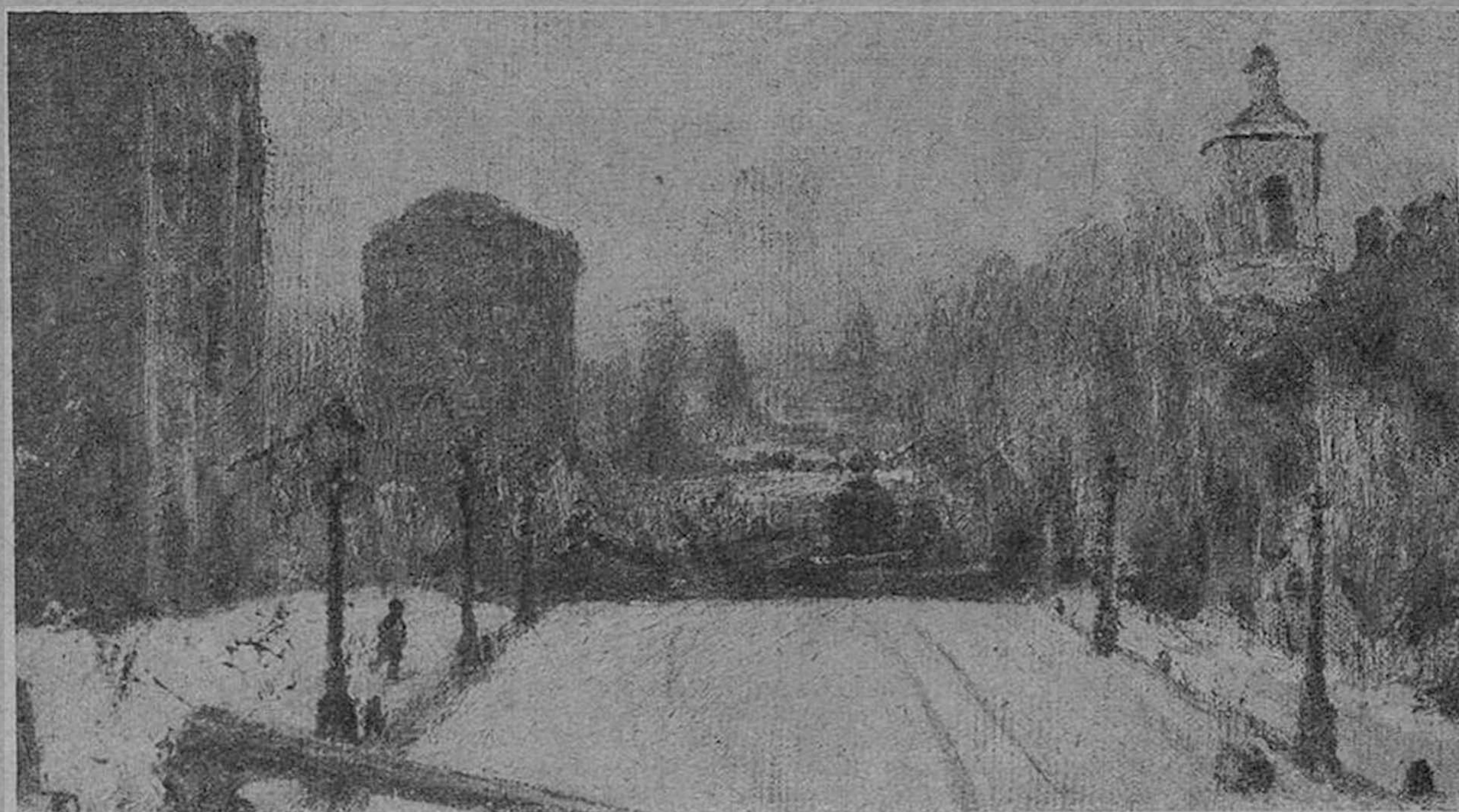
С. В. Иванов

«Бунт в деревне»

и др. красноречиво рисуют тяжкое состояние освобожденных «от земли» крестьян. Помещики, потерявшие рабов, получают весьма солидные выкупные платежи.

Третий зал рисует результаты крестьянской реформы — пробуждение совести в либеральном дворянстве и интеллигенции, которая двинула свои лучшие силы в народ. Народническое движение хорошо выражено в картинах Репина — «Арест» и «Террористы», Перова — «В холодной», Ярошенко — «Студент», Якоби — «Привал арестантов».

Это идеалистическое единение русской интеллигенции с народом способствовало развитию революционных идей среди рабочих.

В. Д. Поленов

«Баррикада на Кудринской Садовой»

С 80-х годов появляются рабочие кружки и организации, начинаются стачки. Студенческое движение начинает опираться на пролетариат. Все это хорошо представлено картинами С. Иванова — «Студенческие беспорядки», «Расстрел в деревне», Касаткина — «В рабочем кружке» и др.

Еще богаче отражена в искусстве схватка рабочих и крестьян с самодержавием в 1905 году. «Разгон демонстрации» и «Красные похороны» Репина, «Похороны Баумана» Серова, «Баррикада» Поленова, «Погром» И. Зайцева — ярко рисуют эту кровавую героическую эпоху. Реакция 1907—1916 годов, последовавшая за ней, охарактеризована на выставке жуткою картиной Репина — «Царские виселицы», «Кошмаром» С. Иванова и многочисленными картинами на тюремные мотивы. Подавление революции 1905 года, ослабление революционной энергии либерализмом Государственной Думы, уход революции в подполье — отняло у художников охоту писать на революционные темы и только победоносное шествие Октябрьской революции вызвало новый порыв революционного искусства.

Но революционная динамика нашего времени так огромна, и задачи, ставшие перед нынешними художниками, так новы и обширны, что кажутся непосильными среднему

В. С. Сварог

«Каляев бросает бомбу»

человеку. Они требуют высокого мастерства и долгого, спокойного углубления, почти немислимого в наши дни. Большинство даже лучших произведений 1917—1926 годов представляет из себя лишь опыты и эскизы.

Выставка стремится вызвать в посетителя яркие художественные образы революционных событий. Тем ценнее, что искусство, как таковое, не осталось в загоне, и многие чисто-живописные задачи выявились здесь с новой силой, как, напр., у Репина, С. Иванова и др. Портрет Керенского, написанный Репиным, возвращает нас к лучшим работам этого мастера. Он написан с большим мастерством и с пониманием полуфантастической сущности этого слабовольного человека, вознесенного на высоту первой волны нашей революции и выброшенного затем на отдаленный берег, как чуждое ей вещество. Очень тонко написаны его нежные руки. Солнечные блики, играющие на его голове, придают ей среди сумрака дворца странную двусмысленную игру. Керенский сидит в царском кресле. За ним виднеется открытый балкон, за которым чувствуется непримиримый и чуждый Керенскому Петербург.

Работы С. Иванова (1864—1916)—художника очень искреннего и преданного рабочим массам—также получают для нас особую значительность. В его работах, собранных на выставке, видна большая художественная сосредоточенность и мастерство.

Наравне с Репиным и С. Ивановым стоят здесь лишь такие силачи русского искусства, как Суриков и Серов, показанные, к сожалению, на выставке скуповато. Суриков представлен, кроме эскиза «Стеньки Разина», лишь неудачно приписываемым ему эскизом «Пугачевцы», а Серов — эскизом «Похороны Баумана» и «Урожаем 1906 года». В «Похоронах Баумана» изображена необозримая народная масса, движущаяся сплошной лавиной, и над нею плывущий, точно по волнам, красный гроб. Эскиз едва-едва намечен и смутен, но содержит в себе почти гениальный замысел передачи массового движения.

Кроме чисто-революционных сюжетов, на выставке показаны сцены крепостного и рабочего быта, вскрывающего подоплеку революции: «Продажа крепостных» Неврева, «Переселенцы» Иванова, «Тягальщики» Касаткина и др., которые отчасти восполняют недостаток революционных тем в реакционные годы XIX века. Количество таких картин можно бы удешевить произведениями Ломтева, Крамского, Лемоха и всех передвижников, изображавших крестьянство, но это не прибавило бы революционности изображенным ими страдальцам.

Впрочем, проявление революционной активности в живописи — далеко не частое явление вообще. Сами по себе революционные сюжеты еще не делают революционной живописи. Нельзя считать революционными расстрелы, разгромы и демонстрации Кардовского, Котова, Кали-

В. Г. Перов—«7-я годовщина Октября»

П. П. Бабичев—«Партизан»

А. И. Максимов

«Красногвардейцы»

ниченко и других художников, которые под красными знаменами скрывают лица обывателей. С началом революции многим художникам пришлось перейти с прежним запасом топлива на новые рельсы. Это, конечно, отражается на их произведениях. Чем, например, отличается картина Шестопалова—«Разгромили» от аналогичных картин Теребенева или Земцева—«1812 год»? Чем «Взятие Острой Могилой» Костяницына не лубочный Скобелев? Чем «Пожар Ярославля» Малыгина не Еруслан Лазаревич? Так же стилизованы картины Боголюбова—«Степан Разин», сошедший с Лукутинской табакерки, где подгулявшие поселяне отплясывают во славу русского оружия.

Было бы, однако, несправедливо сказать, что последние разделы выставки, относящиеся к Октябрю, гражданской войне и советскому строительству, не содержат интересных вещей. Здесь следует отметить: этюд Л. О. Пастернака—«I сессия ВЦИК в феврале 1920 г.», в котором, несмотря на всю его незаконченность, столь выразительно обрисована фигура Ленина, «Красногвардейцев» Максимова, «Похороны Ленина» Кравченко и Киселиса, «1 мая» П. Кузнецова, «7-ю годовщину Октября» Перова, «1 мая в Москве 1922» Журавлева и др. Последние картины, рисующие празднества победившей революции, как бы замыкают собою круг, описанный выставкой,—от страдальческой борьбы за революцию до ее торжества. Разумеется, это еще не совершенные произведения искусства, но они ценны, как документы истории.

Как совершенно справедливо думают организаторы выставки, действительное изображение русской революции—все в будущем; оно потребует сил и талантов нескольких новых поколений.

Надо не только осознать ее, но и уметь выразить в сильных и крепких формах.

И. Е. Репин

Царские виселицы (деталь картины)

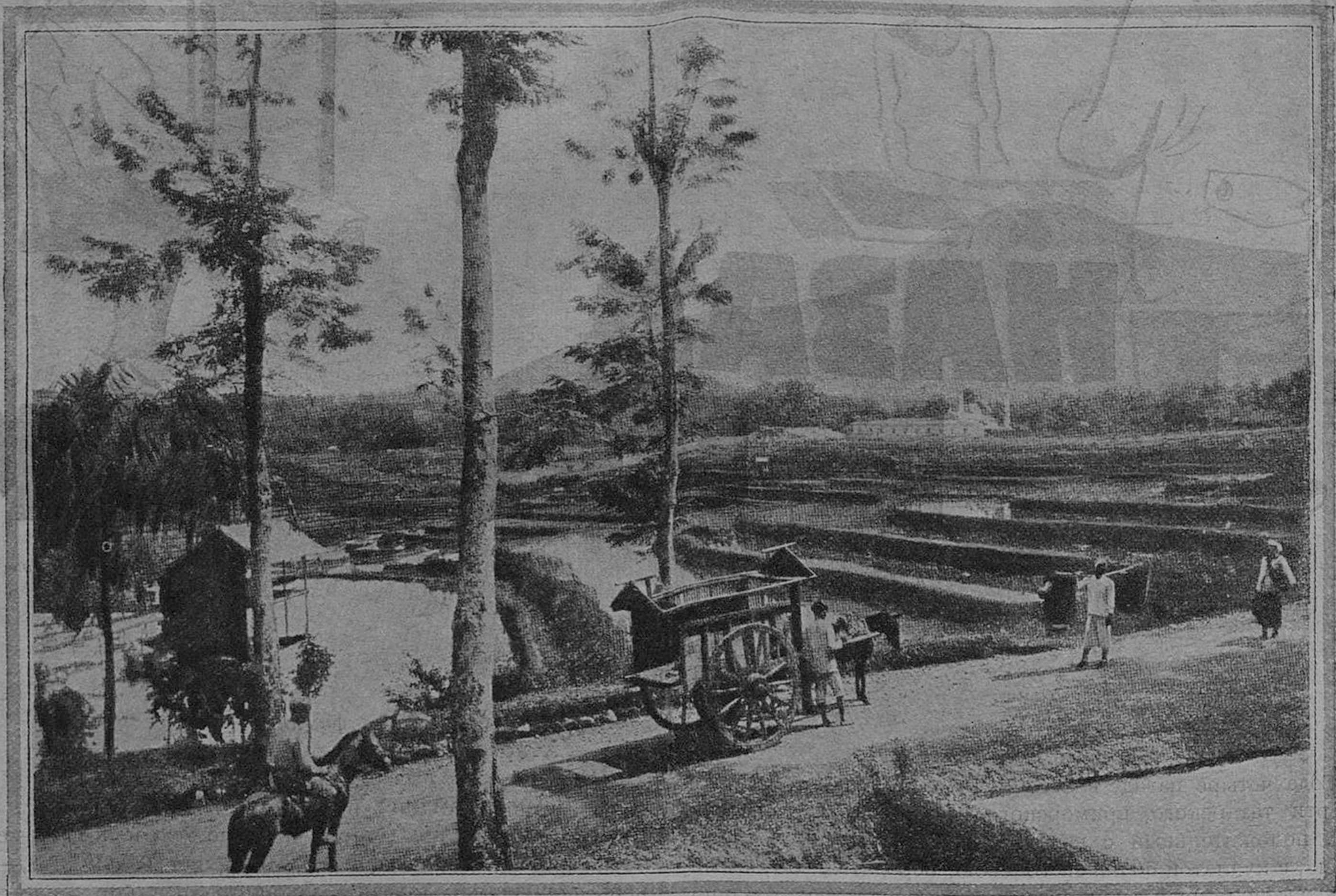
(Выставка «Русская революция в произведениях изобразительного искусства»)

КРАСНАЯ НИВА

50

Рис. Н. Куприна.

Остров Ява. Рисовая плантация

Я в а

Сергей Алымов

Павлины на Яве пели.
Внимали павлинам мели...
Морей голубых эмали
У Явы всегда дремали...

На Яве спокойно было...
И люди и джунгли спали.
Закаты янтарной пылью
Короны пальм обсыпали.

Над сахарными тростниками
Сгибались покорно шеи.
И чули только камни,
Что будут и здесь траншеи.

Что даже на сонной Яве,
Где море — лентой в кровати —

Рванется и сон раздавит
Восстаний кипящий кратер.

Шипящие змеи лавы
Появятся в Херибоне.
Вперед, налево, направо —

Метнутся пожаров кони.
И лягут под их копытом
Растоптанными вещами —
Плантаторские избытки

Домов в верандах
с плющами.

Где бубен бил, где пили ром —
Там буря битв, ружейный гром.

Где тел стволы с цветами губ —
Там в лапах мглы на трупе труп.

Но нет ни вблизи, ни вдали
Ни слез, ни рыданий,

ни жалоб.
Хоть схвачен Махомед-Али,
Хотя за решеткой Мэнт-Халиб.

Зловеще павлины кричат...
Разбужены мели циклоном;
Копыта пожаров стучат
По на-смерть встревоженным

склонам.

Решительней пламя в кострах,
Вся Ява в одежде белой.
— Война до победы! —

И страх Трясет угнетателей тело.

По зеркалу тихих болот,
Затянутых яшмовой тиной, —
Луны голова плывет,
Отрубленная гильотиной.